

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.62; 303.442.44

А.И. Прохоров

ЯЗЫК КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (ПРИМЕНЕНИЕ СХЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО У Э. ГУССЕРЛЯ К АНАЛИЗУ ФОРМАЛЬНОЙ ТАВТОЛОГИИ)

Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-311-00268 «Поэтика философского мышления: культурная парадигма модерна и современные тенденции».

Предпринимается анализ формально-тавтологической конструкции «мышление исследуется мышлением», рассматриваемой как замкнутый модуль микросемиозиса. В основе метода – различие теоретического и эмпирического у Э. Гуссерля. Рассмотрение тавтологического суждения в статическом и динамическом модулях даёт возможность трактовать процесс синхронизации субъекта мышления и субъекта суждения как критерий правомерности различия аналитических и синтетических суждений. Описывается свойство языка принимать на себя функцию теории мышления.

Ключевые слова: феноменология; философия языка; аналитическое суждение; тавтология; ложное сознание; идеология; дискурс; Гуссерль; Кант.

Философия, с известной изобретательностью рефлекслирующая над собственным назначением, делает своим методом исследование не того, что по сложному стечению обстоятельств полагается её содержанием, являясь, по сути, лишь исторически деформированным отражением, а того, что устанавливается в качестве её рационалистической и антиметафизической критики. Одним из простейших методов подобной критики является фальсификация, которая в применении к философии – в силу отсутствия естественнонаучной эмпирической базы – может реализовываться в форме доведения до абсурда тех или иных идейных тенденций [1. С. 85]. Частные попытки такой фальсификации выражают и тавтологические предложения, организованные по схеме: «Сознание исследует сознание», «Мышление исследует мышление», «Язык исследуется с помощью языка». Из этих предложений можно выстроить более сложные, но не менее тавтологичные конструкции, например: «Говорящее мышление исследует говорящее мышление» или «Мыслящий язык исследуется с помощью мыслящего языка». Глубина методологического тупика, в который заводят такого рода предложения, измеряется степенью их тавтологии, которая в формальном и визуальном отношениях выглядит абсолютной.

Для прояснения природы подобных предложений достаточно рассмотреть наиболее характерное и рафинированное: «Мышление исследует мышление». Негативным опровержением тавтологии мог бы стать упрек, что само это предложение сформулировано незаконным образом и декларирует «псевдопроблему». На сей счёт в рамках современной философии могло бы возникнуть приблизительно такое высказывание: «Говорящий язык *притворяется* мыслящим языком», как бы намекающее, что никакого «исследования» вообще не существует в силу фундаментальной несамостоятельности или даже эфемерности самого мышления. Позитивным же опровержением может быть указание на то, что в данном предложении

имеет место, но не эксплицируется средствами языка – нарушение логического закона тождества, то есть «мышление» в левой части суждения не эквивалентно «мышлению» в правой части. Неравнозначность частей суждения, положим, скрывается за особенностями его формы и на уровне временной деформации смысла допускает существование в нескольких вариантах. Мышление либо привлекается в качестве дополнительного средства исследования к какому-то основному средству (например, языку), либо играет инструментальную функцию и управляется чем-то из области внемысленного¹ (в этой роли, опять же, может выступать язык или некая мистическая сущность, обладающая способностью предавать себя забвению в мышлении), либо в предложении фигурирует два независимых мышления и их неразличение связано с ошибкой или неточностью высказывания. Предложение может просто быть нормативной манифестацией, претензией на чистоту эксперимента: мышление может исследоваться с привлечением любых посредников, в числе которых способны оказаться семантические механизмы, физические опыты или экстатические состояния, но на определённой стадии эксперимент должен быть очищен от всех привнесённых влияний, оставив мышление наедине с мышлением.

Высказывание «мышление исследует мышление» содержит известный технический парадокс, связанный с тем, что инструмент исследования – безотносительно к тому, кто за ним стоит – совпадает с материалом исследования, что может быть воспринято, например, по образу «стол исследуется столом», или – поскольку «мышление» более процессуальное понятие², нежели «сознание» – «действие исследуется действием», или даже: «исследование исследуется исследованием». Предпосылки к разрешению этого парадокса были даны уже в начале рассуждения, когда было показано, как материал-философия обращается в инструмент осмысления своей критики, подвергая исследованию то, что первоначально должно было

осознаваться в качестве мыслительного инструмента определённого вида. Однако можно попытаться ликвидировать этот парадокс и на более простом примере. Так, если предложение «природа исследуется природой» рассматривать в пантеистическом ключе, то под личиной второй «природы» можно разглядеть человека, действующего изнутри первой природы и являющегося её порождением (условным или безусловным – в зависимости от степени привлечения пантеистической предпосылки). Вообще, использование такого примера кажется странным в силу своей антропологической образности, но в действительности именно он как нельзя лучше подходит, чтобы приблизиться к феноменологическому способу рассмотрения той формы, которая делает предложение тавтологией, – ибо сама «пантеистическая предпосылка» оказывается вовсе не тем, к удалению чего из рассуждения следовало бы стремиться, узнавая в нём «трансцендирующие толкования имманентных данностей» [З. С. 20], напротив: то, что казалось предпосылкой, функционирует как некий множитель, приводящий к общему знаменателю все величины, образующие смысловой универсум предложения и до введения «предпосылки» находившиеся в состоянии вольного взаимотрансцендирования. Теперь же предложение обретает чистую метафизическую форму, из которой исключены все физические факторы – такие, как «психическая деятельность и состояния реального Я» [Там же], – и в этом виде оно может быть включено в работу в качестве простой трансцендентально-феноменологической модели.

В момент исследования человек, отважившись противопоставить себя природе, постулирует своё надприродное значение. Ситуация проблематизируется, на первый взгляд, тем, что после завершения своей исследовательской работы – насколько это видится в её фактических частностях, – человек вместо того, чтобы вернуться обратно в природу, раствориться в ней, восстановив тем самым полную тавтологию предложения, напротив, продолжает наращивать свою противопоставленность природе, предательски действуя для этого полученные результаты. Надежда на восстановление тавтологии покоится на несовершенстве индуктивного метода и вытекающей отсюда теоретической невозможности сказать, что однажды, когда исследование будет доведено до конца, человек вдруг не вернётся в природу. Такая невозможность точного уяснения конца исследования показывает, как отсутствие в действиях человека тотальной телеологии разоблачает прикладной характер его поступков, их инструментальную суть. Человек в данном случае подобен молотку, который много рассуждает о забивании гвоздей, но ничего не ведает о том, каким будет дом, для строительства которого он привлечен. Забивание гвоздей – это работа с фактами³, другими словами, производство эмпирической реальности с её пространственно-временной связностью. Звон, возникающий от соударения молотка с гвоздями, всякий раз неповторим, но всё же остаётся тождественным самому себе в своей сущности – он всегда воспроизводится только как звон конкретного молотка. В этом смысле он может выступать символом мышления,

которое удовлетворительно описывается в психологической системе координат. Другое дело, что участие молотка в процессе строительства определено не характером его звона, который всегда индивидуализирован, то есть «коренится в единичном сужающем объекте или в изменчивом виде существ, выносящих суждения» [З. С. 108], а его идеей, «молотковостью», как «идеальным условием, вытекающим из формы субъективности вообще и из её отношения к познанию» [Там же]. Это «идеальное условие» устанавливает возможность существования «теории» [Там же. С. 107], в которой на уровне «объективного единства истин» [Там же. С. 108–111] с очевидностью проявлены взаимосвязи или, что не менее важно, отсутствие взаимосвязей на эмпирическом уровне, к которому относятся и психологический звон, и реальная «субъективность» конкретного молотка. Теорией определяется и то, как нормируется⁴ его фактическая вовлечённость в процесс домостроительства.

Познающее инструментальное начало, условно обозначенное выше как «человек», невольно подчиняется требованию познавать подобное подобным⁵, и тем самым в *абсолюте* обрекает себя на тавтологию. В этом смысле тавтология всегда довлеет над познающим человеком как *теория человечности*. Противопоставление инструмента материалу является эмпирическим, а их слияние – теоретическим. Именно это уточнение позволяет начать разработку подхода к уяснению *истины* приведённых формальных тавтологий. В случае мышления, желающего исследовать себя, должно произойти его противопоставление самому себе в пределах собственных границ – должно возникнуть «метамышление»⁶ как особая инструментальная рефлексия. На уровне высказывания «мышление исследуется мышлением» имеет место намеренное нарушение логического закона тождества, но с обязательным сохранением возможности восстановления, что и выражается в соблюдении формального словесного тождества.

В контексте разрушения и восстановления формальной тавтологии преобразованный *тавтологический комплекс* «мышление есть исследуемое мышлением» можно рассматривать как замкнутый модуль микросемиозиса или как разрешающийся внутри себя самого – то есть в известном смысле субстанциальный и монадический – акт передачи информации. В таком акте передача некоторой информации «предикату», то есть мышлению в его инструментальном аспекте, ведёт к изменению «субъекта» – мышления в его материальном аспекте. Получается, что субъектом действия является «предикат», а объектом действия – «субъект». Изначальная *статическая* ситуация инвертируется при переходе в *динамический* модус. Происходит временное разрушение ролевого распределения внутри суждения. Эмпирическая действительность того, что в теории оказывается тавтологическим суждением, представляет собой вибрацию, в которой необходимым образом присутствует разрушение строгой субъект-объектной дихотомии. Предикат-инструмент в данном случае работает только на преобразование своего объекта, которым выступает субъект суждения, – возникает ситуация, в которой

прерогатива предикации принадлежит предикату. Это кажется принципиально неверным, нелогичным, но только когда по инерции удерживается рассмотрение с начальной формальной позиции. Если же рассматривать ситуацию не теоретически, а эмпирически – приводя свою точку зрения в соответствие с тем, что происходит в конкретной ситуации, то есть практикуя феноменологическую *эмпатию* на уровне суждения, – то такой подход обеспечивает синхронизацию субъекта суждения с субъектом мышления – внешним наблюдателем, порождающим и мыслящим данное суждение. Отныне два «субъекта» синхронно переходят с эмпирического уровня на теоретический и обратно, что позволяет субъекту мышления осознать всю беспредметность разговора о несостоятельности субъект-объектной дихотомии, коль скоро этот разговор становится возможным только в том случае, когда «субъекты» находятся в разных плоскостях, иными словами, когда теоретическое мышление пытается встроиться в эмпирическое суждение. Именно такая методологическая ошибка допускается, когда пытаются показать бессмысленность деления суждений на аналитические и синтетические [5. С. 150–151]. Кант в «Критике чистого разума» вполне последователен просто потому, что сами условия исследования, в которые он себя поставил⁷, синхронизировали его теоретическое мышление с теоретическим уровнем рассматриваемых им вопросов. Неслучайно и критика Куайна становится последовательной только тогда, когда её цель – догматический эмпиризм [7].

Эта проблема имеет ещё одно интересное следствие. Субъект мышления, вставший на теоретическую позицию, не имеет возможности осознать синтетическое суждение. Аналитические суждения «срабатывают» в мышлении как непротиворечивые – ведь они являются теоретическими выражениями, формулами этого мышления. Синтетические же суждения, взятые изолированно⁸, оказываются метафизическими, что было прекрасно показано ещё в зеноновских апориях. Что, например, означает хрестоматийное выражение «Все (физические) тела имеют тяжесть» [6. С. 43]? Если подходить к делу с определенной долей юмора, то тяжесть в голове, возникающая от бесконечных попыток проникнуть в суть этого выражения, ещё ничего не доказывает. Но если говорить серьёзно, то это предложение теоретически осмысливается только условно и только в плоскости языка, который уже содержит в себе аппарат описания ощущений. Необходимость эмпатии в данном случае становится настолько болезненной, что её неосознаваемые до конца рецидивы развиваются в целую тенденцию, которая может быть обозначена как «решительный эмпиризм наших дней» [9. С. 34].

Попытка формализовать те эмпирические процессы, которые были только что описаны, в их динамической полноте привела бы к необходимости введения абсолютно тавтологичной системы двух уравнений, первое из которых имело бы вид «мышление исследуется мышлением», а второе – «мышление исследует мышление», что в рамках линейного суждения невыполнимо технически. В момент завершения исследования, то есть в момент восстановления тав-

тологии, именно исследованное мышление оказывается вмещением знания не только о результатах исследования (и о том, что само исследование имело место), но и об инструменте исследования: мышление полностью восстанавливается в своих правах и вбирает в себя предикат, – в итоге всё суждение приобретает *аналитическую* форму. Тавтологическое суждение в динамическом модусе оказывается *синтетическим*: пока суждение соответствует эмпирической реальности или, точнее, само определяет и полностью исчерпывает эмпирическую реальность (ведь речь идёт о субстанциально-монадическом суждении), в нём в непрерывном «происхождении» удерживается синтез *явления – является не нечто*, «утверждаемое» суждением, а является само суждение как субъективное единство феномена, в котором конституирована реальная фактичность суждения, – и только *явившись* в некотором идеальном горизонте, суждение уже не *является*, но *истинствует* – как объективное теоретическое единство. Феноменальная форма предикации «является» переходит в идеальную форму «есть»⁹. Если учесть, что эмпирическое измерение ситуации тяготеет к разрешению в тавтологию, то с позиции *теории* его можно назвать *квазисинтетическим*. Точно так же суждение, которое в теории (статический модус) выступает аналитическим, на эмпирическом уровне (динамический модус) может быть дополнительно охарактеризовано как *псевдоаналитическое* – в силу того, что наращивание *явленности* есть предпосылка индуктивного обобщения, которое тем не менее никогда не достигает теоретической объективности.

В структурном отношении тавтология обладает симметрией: левая и правая части суждения тождественны. И наоборот, такое суждение, в котором тавтология оказывается разрушена, становится ассиметричным. Получается, при переходе от эмпирической фазы к теоретической суждение из ассиметричного превращается в симметричное. Это имеет непосредственное отношение к приводимой Ю.М. Лотманом мысли о том, что «если хранение информации наиболее надёжно обеспечивается симметрическими структурами, то генерирование связано с механизмами ассиметрии» [10. С. 103]. Так, уже обозначенная ситуация восстановления тавтологии, когда суждение возвращается к аналитической форме, представляет собой *знание* – осознанное владение информацией о случившемся мыслительном процессе, который был обозначен как «исследование». Сохранение информации и вправду обеспечивается в рамках симметричной структуры в виде теоретического знания, в виде формулы некоторого эмпирического процесса¹⁰: знание не «является» сознанию – оно «есть» его собственное объективное единство. Но *осознание* того, что некоторое знание присутствует, – это уже процесс динамический и ассиметричный, заново разрушающий тавтологию. Сам процесс мышления тогда можно описать как движение от симметричной тавтологии (знание) к её распаду (незнание и осознание, эмпирическое мышление как таковое) и затем снова к восстановлению (новое знание, знание о знании). Используемые здесь образы распада и разрушения не

должны восприниматься так, будто на месте тавтологии образуется пустота, или так, будто для продвижения в познании необходимо достижение полного незнания. Более точным будет гегелевское понятие «снятие» (Aufheben): новая тавтология не отменяет предыдущую, а «снимает» её, вбирает в себя, и между такими стадиями, как «знание» и «новое знание», необходимо пролегает ещё одна тавтология – «знание о незнании». Само собой, это дробление может быть продолжено до бесконечности, и причина тому – уже избитая работа теоретического субъекта в отношении эмпирической реальности. Попытка одновременного осмысления двух уровней реальности суждения наталкивается на своеобразное проявление принципа неопределённости Гейзенберга: производя теоретическое осмысление, субъект мышления фиксирует своё собственное положение относительно теории и обнаруживает её истинность, её «есть-статичность», но при этом, вглядываясь в эмпирическое измерение, он видит только неустойчивое «явление».

Процесс накопления информации становится возможным именно в силу наличия условий, присущих тавтологической системе, пребывающей в постоянной вибрации: соединение субъекта и предиката в тавтологию, происходящее на аналитической фазе, порождает некий «квант информации», рассеивание которого блокируется на синтетической фазе. Наличие подобного кванта информации, то есть некоторого знания, закреплённого в формуле, вынуждает констатировать ситуацию, предшествующую такому закреплению. Тогда получается, что аналитическая фаза (статический модус) выступает как бы вторым тактом информационного процесса. На первом такте совершается передача информации, на втором – её закрепление в качестве знания, или запоминание. Но феноменологически процесс передачи информации начинается, если воспользоваться музыкальной терминологией, «из-за такта» – первым тактом осознаётся уже присутствующее знание, а именно то знание, в котором зафиксировано вхождение мышления в процесс самоосмысления. Затянутое же событие остаётся трансцендентным.

Описанный атомарный процесс объясняет свойство мышления мыслить (осуществляться в своей чистой действительности) *незаметно*, то есть быть по определению *условием* формализации чего-либо, но не объектом этой формализации – в противном случае эмпирический и теоретический уровни пересеклись бы. Формулой процессов мышления, а лучше сказать – чистой теорией мышления *для самого мышления*, выступает язык, который принимает на себя функцию *заметности*. Мышление становится заметно себе самому благодаря языку, в котором оно себя *теоретически* останавливает (дифференцирует), после чего получает возможность рассматриваться как объект. Языку как теории мышления сущностно свойственны аналитичность, статичность и симметричность. Феноменологически это выражается в том, что языковые явления, несмотря на обилие девиаций, *самоорганизуются* (если смотреть «со стороны языка») вокруг «чистой логики» [3. С. 14] и грамматических систем. Язык оказывается теорией (или, предположительно, одной

из возможных теоретических систем), соединяющей в себе две эмпирические по отношению к нему реальности – формализуемое им мышление и обозначаемые им объекты¹¹. Но это соединение, позволяющее вообще обнаружить такую теоретическую реальность, как язык, одновременно выступает в качестве принципа, пролагающего непроходимую границу между мышлением и объектами, которые язык обозначает как объекты реального мира. Язык – это та граница между теоретическим знанием и верой, которой пытался манипулировать Кант¹². По одну сторону такой границы пребывает мышление, погружённое в поток феноменов и осуществляющее теоретическую борьбу с этим потоком. (Борьба с феноменами разрешается в языке, где среди остановленных феноменов мышление обнаруживает собственное теоретическое отражение.) По другую сторону – вера в то, что феноменам соответствуют некоторые объекты и логические порядки, принципиально отличные от субстанции мышления и в агрегатной совокупности образующие реальный мир. Язык в целостности – как «форма всеобщего предложения» [3. С. 58] – тоже обладает свойствами относительной субстанциальности и в этом плане «тавтологичен»: его способность принимать на себя служебные теоретические функции по отношению к мышлению вовсе не исключает его собственной эмпирической реальности, которой, по аналогии, следует приписать следующие сущностные свойства: синтетичность, динамичность и асимметричность. Только это и делает возможным проводимый здесь анализ формальной тавтологии, фиксируемой вербальными средствами и отражающей описанные свойства языка, а также позволяет перенести результаты анализа на отдельные способы функционирования языка в целом.

Опознание в языке теоретической реальности мышления и уяснение его роли в качестве границы между «знанием» и «верой» даёт возможность понять некоторые процессы, происходящие в послекантовской философии. И понимание этих процессов далеко не случайно, а напротив, продиктовано насущной необходимостью – в силу того, что проблемы «синтетических» и «аналитических» суждений, «теоретического» и «эмпирического» существуют как «проблемы» только в рамках философского мышления. После того, как Кант открыл возможность перемещения границы между «знанием» и «верой», вся европейская мысль стала осуществляться именно в действительности этого гигантского тектонического сдвига. Своего максимума – по крайней мере, того из возможных максимумов, который поддаётся идентификации и описанию, – смещение границы достигло в трансцендентальном *εποχή* Гуссерля, когда был сделан ещё один решительный шаг в сторону умаления методологической значимости фанатической веры в существование реального мира. В движение был приведён сам язык как теория мышления. А теория, находящаяся в движении, теряет свою статическую сущность, начинает существовать внутренним противоречием и обращается в своеобразную метастабильную эмпирическую реальность. Пресловутый «лингвистический поворот» следует понимать не как обращение мышления к языку, а как поворот внутри теоретической

реальности самого языка: он важен не своим смещением в сторону мышления или от него, а самим фактом такого смещения. Разумеется, это смещение получило первичный импульс на уровне мышления – мышления Канта и Гуссерля, которые могли и не знать о случившемся, ведь их усилия не были принципиально направлены на язык, сконцентрированы на нём как на области философствования; и поэтому новые понятия и понятийные системы, во множестве вводимые ими, образовали некую вторичную языковую реальность, которая, становясь объектом внимания следующих за ними мыслителей, также не воспринималась ещё как специальная проблема философии языка. Таким образом, это смещение отнюдь не было запущено теми, кто считается непосредственно причастным к «лингвистическому повороту».

Новая эмпирическая реальность языка, индуцируемая сдвигом теории в философском мышлении, существует параллельно его естественной, первичной эмпирической реальности. Обе эти реальности должны быть «подвижны» относительно неподвижной теории, но это ещё не означает, что они неподвижны относительно друг друга. И связано это с тем, что их релятивная «подвижность» относится к разным типам теории. Новой эмпирической реальности соответствует новая искусственная теория этой реальности, не совпадающая с естественным теоретическим измерением языка. В искусственной теории – в отличие от первичной – мышление и мир реальных объектов принципиально неотделимы друг от друга, так как пребывают в одной плоскости и имеют тождественный порядок статичности, а мышление о том и о другом с позиции этой новой теории неизбежно приводит к её собственной специфической метафизике, выражаемой лозунгом «Нет ничего вне текста»¹³.

Теорией искусственной эмпирической реальности языка оказывается *идеология*, понимаемая как интерсубъективное единство не истин, но постулатов, индуцированное в результате осмысления мышлением себя самого в языке. В этом смысле идеология противоположна царству истин подлинных как царство истин временных – мнений, узурпирующих право *истинствования*, – то есть как царство лжи.

Сделанное утверждение вовсе не означает, что следы идеологий невозможно отыскать в «докантовскую эпоху» – или, предельно заостряя, что до Канта не существовало лжи: это означает лишь то, что только после Канта началось постепенное движение к осмыслению данного понятия и возникла потребность в обнаружении частных идеологий¹⁴. Понимание идеологии как системы мнений, бесосновательно претендующей на истинность, созвучно с марксистским истолкованием её в качестве результата деятельности «ложного сознания» [15. С. 83], но для прояснения этого созвучия само понятие «ложное сознание» должно синтезироваться не на материалистических и социально-экономических предпосылках, а на виталистических и этических основаниях, как то происходит у Л.Н. Толстого [16. С. 372]. Отделяя в своём рассмотрении эмпирическую личность от разумного закона, Толстой, можно сказать, стихийно входит в режим феноменологической редукции, что уже позволя-

ет приблизиться к трансцендентальному рассмотрению идеологии как «идеального вместилища» тех идей, сумма которых даёт описание «ложного сознания» в виде саморегулирующейся структуры, обладающей устойчивостью.

Если место истины занимает идеология, то место эмпирического языка занимает то, чему в современной философии соответствует понятие «дискурс». Естественная эмпирическая реальность языка начинает поглощаться полем дискурса – той самой искусственно индуцированной реальности, о которой шла речь выше. Роль границы, которую язык принимает на себя в регулировании отношений между мышлением и его объектами, выражается в определении того, как в мышлении конституируется смысл объективной реальности. Смещение границы переопределяет правила конституирования смысла, и дискурс есть тот язык, который говорит о реальности в условиях иного её осмысления. Фатальным обстоятельством оказывается здесь то, что дискурс имеет в качестве своей теории идеологию и в обращении к ней оказывается трансцендентен истине и, следовательно, любой объективной реальности, существующей вне его самого. По этой причине динамизм дискурса внутри самого дискурса осознаётся как самодвижение, субстанциальность, и дискурс становится «мыслящим языком», определяя правила своего развития, но вместе с тем блокируя условия, необходимые для достижения очевидности при попытке различения мышления и его объектов.

Однако «лингвистический поворот» – не как формальное движение в философии, а, в первую очередь, как процесс в истории мышления человечества – не может продолжаться бесконечно. Критика идеологии и тончайший анализ дискурса, предпринятые в XX в. с самых разнообразных позиций – прежде всего со структуралистских, постструктуралистских и семиотических, – указывают на тенденции к преодолению тотального углубления этих явлений. Особенностью всей этой критики, определившей её действенность, но на каком-то этапе выросшей в неустрашимый по объективным причинам недостаток, является то, что она велась *изнутри* движущегося языка – «внутри сфер дискурса» [17. С. 12], где невозможность достижения объективного единства истин не позволяет прийти к осознанию системного принципа, лежащего в основе сцепления идеологии и дискурса на онтологическом уровне (в системе координат этого предложения – *снаружи*). Зародившись в недрах кантовской трансцендентальной философии, смещение теоретической реальности языка должно завершиться в ней же. Дисциплиной, сохраняющей возможность «показать мухе выход из мухоловки» [18. С. 160], когда та почти у порога, является трансцендентальная феноменология, которая в своей методологии содержит радикальную установку (что равнозначно наличию потенциала) в отношении сложившейся ситуации – прямую интенцию на выявление феноменов в их непосредственной данности и их очищение от трансцендирующих факторов, что в применении к языку обозначает прежде всего идентифицирующее и стабилизирующее разделение первичных и вторичных уровней как для эмпирической, так и для теоретической реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данный термин вводится не только для того, чтобы избежать употребления термина «бессознательное», перегруженного партикулярными коннотациями, но и для резервирования возможности действия сверхсознательных трансцендентных факторов. Также не следует исключать зависимость мышления от «состояния сознания» [2. С. 54–56].
- ² Именно такая процессуальность подсказывает, что формулировка «мышление исследуется мышлением» будет нагляднее, нежели «мышление мыслится мышлением» – так как это не только подчёркивает инструментальный аспект, но и позволяет за счёт ощущения неравнозначности понятий «исследование» и «мышление» по динамике акцентировать внимание на наличии движения внутри движения.
- ³ «... факт, т.е. нечто определённое во времени» [3. С. 80].
- ⁴ «... теоретическое предложение принимает нормативную форму: “только А, которое есть В, есть хорошее, т.е. А должно быть В” [3. С. 57].
- ⁵ Постулат, восходящий к Эмпедоклу [4. С. 376].
- ⁶ Возможно проведение параллели к понятию «метасознание» [2. С. 19–39].
- ⁷ См. определение чистого разума как совершенного единства у И. Канта [6. С. 12].
- ⁸ Согласно Куайну, «наши убеждения соотносятся с опытом все вместе и подтверждаются или же не подтверждаются только как совокупность, но не по отдельности...» [цит. по: 8. С. 169].
- ⁹ Ср.: «Связка есть имеет в суждении своей целью именно отличить объективное единство данных представлений от субъективного» [6. С. 135].
- ¹⁰ Здесь уместно вспомнить о формуле математического вида, в которой правая и левая часть теоретического выражения связываются знаком равенства.
- ¹¹ Введение такого различия не является надуманным и связано с вопросом о существовании языка: для того, чтобы язык функционировал, с одной стороны, мы должны о нём знать, а с другой – должны каким-то образом существовать и те предметы и отношения, которые он описывает [2. С. 27].
- ¹² Имеется в виду афоризм «Мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере» [6. С. 31].
- ¹³ «Il n'y a pas de hors-texte» [11. P. 227]. В переводе Н. Автономовой: «Внетекстовой реальности вообще не существует» [12. С. 313]; в английском издании этот лозунг звучит так: «There is nothing outside of the text» [13. P. 159]. Следует учитывать замечание самого Деррида, что превращение этой фразы в «своего рода слоган» исказило её понимание, изначально подразумевавшее также и другой смысл: «Нет ничего вне контекста», что якобы означает «то же самое» [14. P. 136]. Однако рождение такого слогана из текста, принадлежащего именно Деррида, слишком символично, чтобы в нём можно было не опознать реально работающую мифологему своего времени.
- ¹⁴ Исторически извлечение понятия идеологии в пространство философской мысли связано прежде всего с именем Дестюта де Траси и его трудом «Элементы идеологии» (1801–1815).

ЛИТЕРАТУРА

1. Малкольм Н. Мур и обыденный язык // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 84–99.
2. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 320 с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике. М.: Академический Проект, 2011. Т. I. 253 с.
4. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения. в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 369–450.
5. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 144–159.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2006. 736 с.
7. Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 24–48.
8. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 159–174.
9. Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 33–50.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Derrida J. De la grammatologie. P.: Les Éditions de Minuit, 1967. 448 p.
12. Деррида Ж. О грамматиологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
13. Derrida J. Of Grammatology. Baltimore: John Hopkins Press, 1997. 360 p.
14. Derrida J. Afterword. Toward An Ethic of Discussion // Derrida J. Limited Ink. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1988. P. 111–154.
15. Энгельс Ф. Письмо Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Изд-во политической литературы, 1966. Т. 39. С. 82–86.
16. Толстой Л.Н. О жизни // Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1936. Т. 26. С. 313–439.
17. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
18. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011. 347 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 апреля 2018 г.

LANGUAGE AS A THEORETICAL REALITY: APPLICATION OF EDMUND HUSSERL'S DISTINGUISHING BETWEEN THE EMPIRICAL AND THE THEORETICAL FOR FORMAL TAUTOLOGY ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 70–76.

DOI: 10.17223/15617793/434/8

Alexander I. Prokhorov, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: eisensarg@mail.ru

Keywords: phenomenology; language philosophy; analytic reasoning; tautology; false consciousness; ideology; discourse; Husserl; Kant.

The paper proposes the analysis of a formally tautological construction “thought is investigated by thought”, which is considered as a closed microsemiosis module. The complex analysis method includes the following constituents: distinguishing between the theoretical and the empirical performed by E. Husserl in the first volume of his *Logical Investigations*; phenomenological empathy on the judgment level; Yu. Lotman’s semiotic conception of information preservation and generation in symmetric and asymmetric structures. Methodological dichotomy between subject and object may be rehabilitated through observing the tautological judgment in both static and dynamic modes. It allows to treat the synchronization process of the thought subject and the judgment subject as a distinction criterion for analytic and synthetic reasoning. There is a description suggested, when the statement about false distinguishing between analytic and synthetic reasoning could be possible (Quine, particularly). During the delimitation of theoretical and empirical consideration levels of the same judgment, concepts of pseudo-analytical and quasi-synthetic judgments have been introduced. It is described how language assumes the function of the thought theory. The thought “stops” itself inside language, whereas facts of

language organize themselves on the basis of “pure logic” and grammar contrary to their intrinsic spontaneity. In such a condition, language may be regarded as a theoretical system, which connects two separated empirical realities opposed to language: thought formalized by language and objects described by language. In this case, language acquires analytic, static and symmetric properties and may be identified as the border between knowledge and belief, which was mentioned by I. Kant. Disturbance of this border induces the metastable theoretic reality that is identified as ideology. Ideology generates its own additional empiric reality, discourse. Discourse is described by means of the concept “thinking language”. The extent is shown to which the conditions of evidence could be provided inside discourse. The concept of ideology is explicated as a product of “false consciousness” which may be observed as a relatively stable structure, but it should be interpreted according to Leo Tolstoy, not Marxism. The results of the analysis allow working out a new approach to phenomenological clarification of the concept system including four elements: theory, language, ideology and discourse. This develops the critique of empiricism and linguistic turn philosophy, demonstrates the inner logic of post-Kantian European philosophy. An example of such critique is an analysis of Kant’s and Husserl’s contribution to the preparation of the linguistic turn.

REFERENCES

1. Malkol'm, N. (1993) Mur i obydenyy yazyk [Moore and ordinary language]. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow: Moscow State University.
2. Mamardashvili, M.K. & Pyatigorskiy, A.M. (2011) *Simvol i soznanie* [Symbol and consciousness]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
3. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya. Prolegomeny k chistoy logike* [Logical Investigations. Prolegomena to Pure Logic]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
4. Aristotle. (1976) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 369–450.
5. Davidson, D. (1993) Ob idee kontseptual'noy skhemy [On the idea of a conceptual scheme]. Translated from English. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow: Moscow State University.
6. Kant, I. (2006) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
7. Quine, W.V.O. (2003) *S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a logical point of view: Nine logical-philosophical essays]. Translated from English. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24–48.
8. Straud, B. (1993) Analiticheskaya filosofiya i metafizika [Analytic philosophy and metaphysics]. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow: Moscow State University.
9. Shlik, M. (1993) O fundamente poznaniya [On the foundation of knowledge]. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow: Moscow State University.
10. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Derrida, J. (1967) *De la grammatologie* [Of Grammatology]. Paris: Les Éditions de Minuit.
12. Derrida, J. (2000) O grammatologii [Of Grammatology]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem.
13. Derrida, J. (1997) *Of Grammatology*. Baltimore: John Hopkins Press.
14. Derrida, J. (1988) *Limited Ink*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press. pp. 111–154.
15. Engels, F. (1966) Pis'mo Frantsu Meringu, 14 iyulya 1893 g. [Letter to Franz Mehring, July 14, 1893]. Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Vol. 39. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
16. Tolstoy, L.N. (1936) O zhizni [About life]. In: Chertkov, V.G. (ed.) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 26. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Deleuze, G. & Guattari, F. (2010) *Tsyayacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'.
18. Wittgenstein, L. (2011) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Translated from German. Moscow: AST: Astrel'.

Received: 14 April 2018